

На днях «сотрудники ФСБ и полицейские города Костромы задержали трех предпринимателей, которые зарабатывали на продаже и обналичивании биткоинов.

По данным МВД, задержанные успели провести незаконные операции на сумму около 500 млн руб. По факту правонарушений заведено уголовное дело по статье «Незаконная банковская деятельность». Правозащитники говорят, что это первое уголовное дело, заведенное по факту обналичивания криптовалюты в России, и раньше «российские суды блокировали биткоин-биржи и сайты-обменники, но не преследовали частных лиц».

На самом деле говорить о «костромском прецеденте» в контексте противостояния «общество vs. государство» не приходится, поскольку законопроект «О цифровых финансовых активах» еще не утвержден. Значит, и задержания провели не из-за самого факта обналичивания биткоинов, а из-за «300 банковских и sim-карт, оформленных на друзей и родственников», через которые «фигуранты дела обменивали и переводили криптовалюту».

Технически для выведения криптовалют денег нет нужды плодить ad infinitum банковские карты — вполне хватит одного живого банковского счета. Всякий раз, когда на сцене возникает «300 карт, оформленных на друзей и родственников», можно не сомневаться, что преследуется цель не столько обналичивания, сколько *микширования*, то есть дробления и перераспределения криптовалютных потоков. В народе этот высокотехнологичный термин обычно называется *отмыванием*.

Полноценное законодательство, регулирующее криптовалюты, отсутствует не только в РФ, но и вообще где бы то ни было в мире. Подлинная проблема гораздо шире и заключается в трагической неспособности современной цивилизации выработать адекватное отношение к интеллектуальной собственности в эпоху цифровой революции.

Разрозненные эксцессы прямолинейного запретительства (то в одной стране, то в другой отнимают биткоины, арестовывают киберменей, взламывают криптовалютные биржи, блокируют онлайн-магазины) создают ощущение локальности конфликтов. Между тем противостояние цифрового и реального мира идет единым фронтом и длится уже третье десятилетие.

Еще в 1936 году один из самых влиятельных теоретиков искусства XX века Вальтер Беньямин предупредил человечество о грядущих потрясениях, связанных с появлением техники, позволяющей бесконечно репродуцировать произведения искусства с минимальными затратами («с фотонегатива можно сделать множество отпечатков; вопрос о подлинном отпечатке теряет смысл»). Технологии цифрового репродуцирования свели «минимальные затраты» к нулю, а качество репродукции стало неотличимым от оригинала. Отсутствие расходов на тиражирование при сохранении исходного качества оригинала — книги, музыкальной композиции, графического изображения или видео — ознаменовало явление миру в 90-е годы доселе невиданного феномена — *цифрового продукта*.

Коллизия традиционного института собственности с новой цифровой реальностью вышла на уровень войны с появлением интернета, который предоставил цифровому звуку, изображению, тексту и видео возможность безграничного, мгновенного и, опять же, беззатратного распространения.

Поскольку скачивание музыки и фильмов, равно как и свободное блуждание по Сети, являются неотъемлемой частью бытия в цифровом пространстве, проблема цифрового контента очень быстро переросла в проблему *цифровых прав*, которые по определению включают в себя «доступ, использование, создание

Цифра и сроки

Государство эффективно умеет перекрывать каналы обмена криптовалют на обычные деньги, но внутри криптопира оно почти бессильно



Петр САРУХАНОВ — «Новая»

и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей».

В итоге к противостоянию традиционного института собственности с кибервольницей подтянулось не только государство, но и сонм правозащитных организаций, что придало этому противостоянию поистине планетарный размах.

На ранних этапах противостояния традиционный институт интеллектуальной собственности делал ставку исключительно на репрессию. В июне 1999 года американцы Шон Фэннинг и Син Паркер (18 и 20 лет соответственно) запустили первый фай-

лообменный пиринговый сервис Napster, который удалось благополучно загнать судебными исками группы Metallica, рэп-исполнителя Dr. Dre, а затем и коллективным иском членов Американской ассоциации звукозаписи.

В 2001 году Napster по постановлению суда закрыли, а на его место тут же пришла целая волна новых сервисов типа P2P: Gnutella, eDonkey, KaZaA и проч.

Когда в том же 2001-м Брэм Коэн придумал протокол BitTorrent, стало ясно, что запрещать распространение цифровых продуктов — занятие бесполезное.

На втором фронте — криптозащиты цифрового контента — традиционный институт собственности потерпел сокрушительное поражение уже в самом начале противостояния: Йон Йохансен, 15-летний паренек из норвежской деревни, в 1999 году написал DeCSS — программу, снимающую криптозащиту с коммерческих DVD.

Нужно отдать защитникам копирайтных ценностей должное: им хватило мудрости отказаться от неэффективного запретительства и маргинализировать пиратство с помощью услуг аудио- и видеостримминга.

На третьем фронте — борьбы государства с цифровой наличностью и криптовалютами — сегодня наблюдается относительное затишье, но по ряду признаков можно ожидать грядущую бурю. Дело в том, что цифровая наличность и криптовалюты для государства представляют гораздо большую опасность, чем цифровой продукт, защищенный копирайтом, поскольку покушаются на основы экономического устройства сов-

ременного общества — госмонополию в вопросе контроля за эмиссией платежных средств.

С цифровой наличностью государство, худо-бедно, сумело справиться. На Украине WebMoney по местной традиции тупо запретили, в России — похоже, сумели добиться полюбовных отношений (что бы это ни значило), а в Соединенных Штатах цифровой кэш вообще никогда не приживался по вине сервиса PayPal, создавшего удобный для держателей местных банковских карт канал электронных платежей.

Из рук вон плохо дела обстоят лишь с криптовалютами, поскольку те создают прямую угрозу госмонополии на эмиссию, и в принципе непонятно, как с ними можно взаимодействовать.

Поначалу казалось, что сложностей не возникнет. В 2013 году ФБР удалось заблокировать в «Даркнете» магазин «Шелковый путь», в котором за биткоины шла бойкая торговля психотропными веществами, и арестовало Росса Ульбрихта, его создателя. Ульбрихта приговорили к пожизненному заключению без права на освобождение, однако на месте «Шелкового пути» открылись тысячи новых магазинов, в которых сегодня торгуют не только дурью, но и всей хтонической парафернацией — от оружия до заказных убийств.

Если пять лет назад, захватив кошелек пользователя, можно было не только присвоить чужие биткоины, но и отследить их участие в обменных операциях, сегодня такое возможно только при неопытности собственника криптовалюты: современные системы анонимного микширования скрывают все прошлые транзакции, а технологии хранения не позволяют похитить криптовалюту даже при физическом захвате компьютера.

Поскольку государство достаточно эффективно умеет перекрывать каналы обмена криптовалют на живые деньги (костромская история), в цифровом пространстве сложилась тенденция к максимальному наращиванию внутренних торговых оборотов: на биткоины сегодня, похоже, можно купить уже все: от дворцов и замков до тропических островов (в конце прошлого года часть курортного острова Юнион-Айленд в Карибском море, более 5 га, отдавали в добрые руки за 600 биткоинов).

Полагаю, читатель теперь понимает, почему такую нервность вызывает у государственных структур (и не у одной России) проект TON (Telegram Open Network, Открытая сеть телеграм) с его внутренней криптовалютой Gram, основанной на «блокчейне третьего поколения». Если братья Дуровы доведут задуманное до логического финала, модель TON создаст прецедент самодостаточной и действенной альтернативы монополии Центробанков на денежную эмиссию.

Я неслучайно акцентировал внимание на замкнутой модели коммерческого самообеспечения вроде TON. Казалось бы, зачем нужны непонятные TON'ы, если давно существует «Даркнет» — «Темный интернет», где кучкуются криминальные магазины, пришедшие на смену «Шелковому пути»?

Дело в том, что у людей осведомленных существуют определенные сомнения относительно реальной анонимности и безопасности «Темного интернета», в том числе наиболее популярной и активной в коммерческом отношении его части, известной в народе как TOR (Onion).

Об этих сомнениях, равно как и о ключевых элементах самого загадочного и одновременно самого потешного мифа киберанархизма XXI века — «Даркнета», я постараюсь рассказать в следующих номерах.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ,
специально для «Новой»